Только у нас

В.П. Ивашев. Акварель Н.А. Бестужева. Конец 1820-х гг. Отдел истории русской культуры. Эрмитаж. Ленинград

там же оказались и на поселении, где в 1848 году Иосиф Викторович и ушел из жизни.

Александр Поджио, несмотря на неслыханно тяжкие испытания, выпавшие на его долю, сохранил жизнерадостный характер и интерес к интеллектуальной жизни. Оказавшись в Иркутске, рядом с Трубецкими и Волконскими, давними и добрыми товарищами, он тепло был принят обществом и сумел покорить сердце классной дамы Девичьего института Ларисы Андреевны Смирновой. В октябре 1854 года у молодой четы Поджио появилась дочурка Варенька, которую, наверное, видел и наш романист[17]. Одним из штрихов, характерным для их общения, служат строки письма Александра Викторовича к И.И. Пущину: «Трубецкие едва спаслись - Сергей Петрович и Зина успели выскочить, а лошади пошли ко дну Байкала... Сейчас иду к ним, как-то выглядят они? Они 5 верст шли пешком...»[18].

Некоторые исследователи, комментируя высказывание Гончарова о «других» декабристах, которых он встречал в Иркутске, включают в эту группу известного художника-декабриста Николая Александровича Бестужева, обитавшего на поселении в Селенгинске. Однако в письме М.Н. Волконской своей дочери Елене в Москву от 21 февраля 1855 года говорится, что Николай Бестужев «только что приехал» в Иркутск[19]. А Иван Александрович, вместе с четой Ребиндер, покинул столицу Восточной Сибири 15 января. Кстати, настало время, чтобы хотя бы вкратце остановиться на этой поездке по маршруту Иркутск - Петербург, продолжавшейся сорок(!) суток, и которую исследователи обычно относят к числу «белых пятен» в биографии романиста.

[17] *Поджио А.В. Записки. Письма. Иркутск, 1987. С. 40.*
[18] *Там же. С. 161.*
[19] *Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 415.*

(Продолжение следует)

Гончаров. Поиски и находки

(Продолжение. Начало в «УП» № 10 от 31 января, № 25 от 13 марта, № 34 от 3 апреля, № 37 от 10 апреля, № 40 от 17 апреля)

Возвращение домой через Сибирь

В порту Аян Гончарова познакомили с 22-летним чиновником администрации Восточной Сибири князем Михаилом Сергеевичем Волконским, сыном декабриста Волконского и его супруги Марии Николаевны, урожденной княжны Раевской. Родился он в Иркутске, там же окончил гимназию с золотой медалью и, получив место чиновника особых поручений администрации генерал-губернатора, энергично выполнял ответственные поручения в отдаленных местах огромного края. К моменту знакомства с Гончаровым Михаил по заданию Муравьева обследовал тракт, связывающий Аян с Якутском, и в ходе этой командировки перенес шесть почтовых станций на более удобные для переселенцев и проезжающих места.

Так что Ивану Александровичу повезло вдвойне: молодой Волконский приютил его в гостевой избе и подробнейшим образом рассказал о порядке и трудностях предстоящего путешествия: много вещей с собой брать нельзя, так как поклажа везется на вьючных лошадях; первые 200 верст придется ехать верхом на лошади, 600 - по реке Мае, потом 180 - опять верхом и только 250 - на телегах до Якутска. По его совету Гончаров приобрел сары якутские - сапоги, в которые кладут сено, а потом уже надевают их на ноги, а также доху из шкур молодых оленей, подбитую соболями. В ходе откровенных бесед Михаил поведал писателю о жизни декабристов в Иркутске и настоятельно просил запросто бывать там у своих родителей.

Иван Александрович побаивался ехать верхом на лошадях, но когда сел в широкое и мягкое черкесское седло и тронулся в путь, успокоился, сказалось, что лет двадцать назад «гонялся на рысаке» за зайцами. «Это воспоминание так помогло мне, - сообщал он в письме к Майковым, - что я в первый день сделал 30 верст и насилу слез с лошади, а потом уже делал по 40, не сходя с седла... Мы все разделились на партии, по два и по три человека. Генерал-губернатор ехал со своими впереди, дня за три до нас»[1].

В гончаровской «партии» оказались князь К.В. Оболенский, мичман с «Дианы», и лейтенант Петр Александрович Тихменев, бывший заведующий кают-компанией на «Палладе», с приданными им четырьмя человеками прислуги, а также повар Тимофей, отпущенный домой и верно служивший Гончарову в самые трудные и опасные моменты четырехмесячного сухопутного путешествия. Верхом на лошадях Иван Александрович и его спутники, вслед за якутом-проводником, то пробирались по горным тропинкам, то ехали по руслу горных речек, которые в дожди бурлили так, что лошади, переходя вброд, уходили по уши, то пробирались через семь хребтов, отраслей Станового хребта, и даже совершили восхождение на Джукджур - якутский Монблан. Случалось, что писателя вели в гору два якута - один на кушаке, другой поддерживал сзади. Был и такой день, когда он провел в седле 11 часов, а потом пришлось пробираться по топким болотам, где кони вязли по брюхо.

«Все бы это ничего, - напишет он 14 сентября Майковым уже из Якутска, - но настали утренние легкие морозы, и у меня зябли немного ноги, зябли и у других, но потом

[1] *Литературное наследство. Т. 22-24. С. 414.*

ный пункт торговли с Китаем, где он занимал пост градоначальника. В начале1854-го - снова радость: произошла помолвка Зинаиды с Николаем Свербеевым. Но 24 октября, на 34-м году совместной жизни декабриста и его супруги-единомышленника, случилось самое страшное: больное сердце Екатерины Ивановны остановилось.

Во время пребывания Гончарова в Иркутске Сергей Петрович с младшей дочерью и сыном находился на побывке у старшей дочери и зятя в Кяхте. А в начале января по делам службы Ребиндеру понадобилось выехать в столицу, и он, знакомый Гончарова по Петербургу, спешит попасть в Иркутск, чтобы оттуда вместе с ним продолжать путешествие. И, ради ускорения поездки, Ребиндер рискнул повезти родных в Иркутск кратчайшим путем - по льду Байкальского озера. Чем обернулась эта оплошность, видно из письма С.Г. Волконского дочери Елене от 13 января: «Вчера к вечеру приехал Ребиндер и Трубецкие, с которыми чуть-чуть не случилось несчастье, на Байкале лед был тонким, повозка Ребиндера погрузла в воду, но им не было ни вреда, ни испуга - лошади мигом вытащили. Но Трубецкие (ехали они в ночь и с промежутком времени) - погрузла повозка и лошади в воду - всей тройкой потонули, едва успели, можно сказать, выкинуть Ваню и Зину из повозки... Трубецкой со своими чадами семь верст шел пешком. Я их еще не видел, 24 часа отдыхали, грелись, сушились. Ребиндера я видел вчера вечером у Якушкина. Они выезжают через два дня». В злополучный день 13 января, как мы знаем, у Сергея Григорьевича побывал Гончаров, так что наверняка он на следующий день посетил Трубецких и договорился там с Ребиндером (со своим петербургским приятелем) о совместной поездке в Европейскую Россию[12].

Ивану Александровичу довелось в Иркутске встречаться с декабристом Иваном Дмитриевичем Якушкиным - питомцем Московского университета, гвардии подпоручиком, участником Бородинского сражения, а затем и победоносного похода русских войск до Парижа. С 1816 года он состоял в «Тайном союзе», а затем в «Северном обществе». С детства Иван Дмитриевич дружил с Петром Чаадаевым и долгие годы состоял с ним в переписке. Весьма дружественными были у него отношения с Александром Грибоедовым, и не случайно академик М.В. Нечкина считала, что И.Д. Якушкин послужил прототипом Чацкого в «Горе от ума»[13].

По делу 14 декабря 1825 года Иван Дмитриевич был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую он отбывал с 1827 по 1836 год в Читинском остроге и Петровском заводе. Последующие десятилетия он провел с сыновьями на поселении в Ялуторовске Тобольской губернии, где с энтузиазмом, вдовец, занимался обучением детей бедноты в созданных им школах по Ланкастерскому методу. В часы досуга Якушкин заканчивал работу над учебником географии,

[12] *Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск, 2004. С. 136.*
[13] *Дружинин Н.М. Декабрист И.Д. Якушкин. М., 1948. С. 768.*

мороз, в прочной повозке, одетый в теплую доху из шкуры горного козла, отправился на лошадях по почтовому тракту, проложенному по берегу Лены. В пути морозы достигали и 50 градусов, так что на последних пятистах верстах до Иркутска лицо Ивана Александровича начало опухать. Испытывая невыносимую боль, он спешит добраться до города - делает до 250 верст в сутки, даже не отдыхая и не обедая, 25 декабря прибывает в Иркутск[5].

Через неделю благодаря стараниям медика-хирурга Ивана Сергеевича Персина опухоль на обмороженном лице спала, и в первый день 1855 года многострадальный путник смог явиться в полном параде - в черном фраке и белом галстуке - к генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву с поздравлением и получил приглашение ежедневно у него обедать. В своих записках Гончаров с одобрением отзывается о служебной деятельности Муравьева, сумевшего укрепить за Россией левый берег и устье Амура, организовать на Камчатке должный отпор нападению английской эскадры, боровшегося с казнокрадством и взяточничеством, гуманно относившегося к ссыльным декабристам. Сам генерал-губернатор редко общался с ними, а вот его жена, обрусевшая француженка, Екатерина Николаевна, запросто посещала семью Сергея Трубецкого и других ссыльных.

К огорчению писателя, к моменту его прибытия в Иркутск Михаил Волконский находился в дальней командировке. Но, к счастью, в городе оказался знакомый Ивана Александровича 25-летний Николай Дмитриевич Свербеев, сын известного славянофила, родственника поэта-симбирянина Николая Языкова. После окончания Московского университета он успел послужить в Якутске, а затем как чиновник администрации Муравьева принять участие в руководимых им Амурских экспедициях При любезном содействии Николая Свербеева писатель познакомился с Иркутском, живописно расположенном на берегу судоходной Ангары (напротив впадения в нее реки Иркут) с притоком Ушаковкой. За два столетия, прошедших со времени основания города на этом полуострове, он превратился в крупнейший центр торговли с Китаем, стал столицей Восточной Сибири, которую старожилы называли еще и сибирскими Афинами: ведь здесь помимо мужской гимназии имелись Девичий институт, театр, библиотека и музей[6].

При содействии Николая Свербеева Иван Александрович, по его словам, «перебывал у всех декабристов: у Волконских, у Трубецких, у Якушкина и других»[7]. Имея на руках письмо-рекомендацию Михаила Волконского, он прежде всего нанес визит его знаменитым родителям. Отец, Сергей Григорьевич, с 17 лет служил в гвардии, участвовал во многих сражениях и завершил Отечественную войну 1812 года в 24-летнем возрасте генерал-майором. Счастливо сложилась и его личная жизнь: в 1824-м его женой стала красавица Мария - дочь генерала Н.Н. Раевского, тоже прославленного участника Отечественной войны. Командуя на юге России бригадой, Сергей Волконский являлся в то же время членом «Союза благоденствия» и «Южного общества», поддерживал тесную связь со столичным «Северным обществом». После поражения в Петербурге восстания 14 декабря 1825 года он был приговорен к смертной казни, замененной сибирской каторгой.

[5] *Там же. С. 415.*
[6] *Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск, 1958. С. 8.*
[7] *Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 7. С. 367.*